

Великий Шекспир

5 (К 330-летию со дня смерти)

Сегодня исполняется триста тридцать лет со дня смерти Шекспира. Дату эту отмечает вся наша страна. Начинает свою работу в Москве шекспировская конференция, слушает доклады о Шекспире Ленинградский институт истории театра и музыки.

Наша страна стала второй родиной Шекспира. Русские, украинские, белорусские, армянские, казахские театры на своих языках рассказывают о горестной любви Ромео и Джульетты, о страданиях Отелло, о сомнениях Гамлета. Героев Шекспира можно увидеть на сцене далекого колхозного театра, декорации Венеции и Вероны часто кочуют на грузовиках передвижных театров.

Многое пережила наша страна, но всегда, в любые годы, как бы трудны они ни были, на сценах наших театров появлялись пьесы Шекспира, и всегда слова, написанные больше трёхсот лет назад, звучали, как современные. Мысли Шекспира, пламенные чувства его героев попадали в сознание наших зрителей, как живые, они волновали, заставляли любить и ненавидеть, как современные. В чём же секрет этой вечной молодости образов Шекспира, и почему именно наша страна так полюбила его искусство?

Эпоха, известная в истории человечества под названием Возрождение, определила творчество Шекспира. Средневековые окружило человека холодной, чёрной стеной незнания. Религия учила: земной шар — мир греха, скорби, несчастий. Нет счастья и смысла в мгновенно исчезающей земной жизни. Эпидемии, войны, голод несут непреодолимую гибель. Всё глеч, прах. Невыблемо нависли над разорёнными деревнями феодальные замки. Выселили и плаха были обычной частью пейзажа. Наука в руках немногих превратилась в схоластику. Догмы религии заменили знание. Руки человека были в оковах, перед глазами были нищета и

смерть, мысль имела право устремляться только к небу.

Но уже назревали новые экономические и социальные процессы, новые классы выходили на широкую дорогу истории. Начинаясь эпоха величайших потрясений. Ломались старые формы, и внутри новых форм уже зрели новые противоречия. Человек увидел мир. В поиски новых рынков двинулись корабли. Взамен средневекового презрения ко всему человеческому возникло поклонение вырытым из земли памятникам античного искусства, прославляющим человеческую красоту, мудрость, знание. Первым стремлением было желание разорвать всяческие оковы, сковывавшие человека. Первым английским писателем, в образах которого возникла новая эпоха, был сын кентерберийского сапожника Кристофер Марло. Неукротимая смелость мыслей и желаний стала главной добродетелью его героев. Это была буйная молодость века.

Всё может человек, — учил Марло, — всё принадлежит его неукротимой смелости. В пьесах Марло герой велит насыпать валы выше облаков, поставить на них пушки и стрелять в солнце («Тамерлан Великий»), хочет соединить мостом материка («Фауст»). Но вместо старых кандалов уже выковывались новые. Тайной полиции королевы Елизаветы не понравилось вольнодумие молодого автора, и 28-летний Марло был закован в трагичной схватке кинжалом в глаз. «Этот человек давал слишком много воли своему уму...» — писал о нём пуританский священник.

Марло умер. Кончилась и эпоха людей, дававших слишком много воли своему уму. Мореходы королевы Елизаветы, не то купцы, не то пираты, жадные открыватели новых земель, всё более и более вытеснялись расчётливыми дельцами, холодными и скупыми пуританами. Восторг перед

возможностями человека сменялся интересом к ценам на мировом рынке. Человека начали мерять количеством принадлежащих ему голов скота, штук сукна, десятин земли. Это была эпоха Шекспира, и противоречия этой эпохи определили его творчество.

В знаменитом 66-м сонете гневно и беспощадно показал Шекспир окружающую его действительность:

Измучась всем, я умереть хочу.
Тоска смотреть, как мается бедняк.
И как шутя живётся богачу,
И доверять, и попадать впросак.
И наблюдать, как наглость лезет
в свет,
И честь девичья катится ко дну,
И знать, что ходу совершенствам
нет,
И видеть мощь у немощи в плену,
И вспоминать, что мысли заткнул
рот,
И разум сносит глупости хулу,
И прямодушье простотой слывет,
И доброта прислуживает злу...

Жизнь в трагедиях Шекспира возникла, как спутанный клубок чудовищных противоречий. Самое светлое смешалось с самым тёмным, самое чистое — с самым грязным. В смертельной схватке встретились самые возвышенные устремления человека и самая непривлекательная действительность. Все свои гигантские силы отдал Шекспир на прославление всего передового в человеке, на призыв к беспощадной борьбе со всем, что основано на рабстве, угнетении, предательстве, корыстолюбии. Жизнь — это беспрепятственная, яростная борьба передового с отсталым. Злоба и подлость не уступят без борьбы доброте и честности. Пока выковываются мечи, пока чеканятся деньги, борьба будет продолжаться. Борьба не на жизнь, на смерть. Прекрасна любовь Ромео и Джульетты, но средневековая тень феодальных распри Монтеки и Капулетти падает на влюблённых. В мире хаоса не может существовать гармония их любви.

В самом начале XVII века с неистовым гневом восстал Шекспир против законов неравенства крови, и

прекрасным примером на века прозвучала история любви чёрного солдата Отелло и венецианки Дездемоны. «Непрочен дом, что на крови заложено», — провозглашает в «Макбете» Шекспир. Власть, основанная на системе убийств, предательства, измене, угнетении человека человеком, должна погибнуть, потому что не остановить стремления передового человечества к свободе, к созданию общества, построенного на разуме. Против мира лжи, коварства, измены восстаёт Гамлет. Проклинает власть золота, калечащую души людей, Тимон Афинский. На своей собственной судьбе познаёт кровавое проклятие деспотизма король Лир.

Личные, человеческие судьбы героев Шекспира сплетаются с огромными государственными событиями, с переворотами, битвами, пожарами гражданской войны. Эпохи мировых катастроф, кровопролитных войн, смут, мятежей зловещим гулом проходят сквозь действие, формируют судьбы людей, определяют их сознание. Мир в час грозы показывает Шекспир. И некуда укрыться от этой грозы. Каждому место только в бою. И каждый может быть только в рядах одной из сражающихся армий. Не может быть ни примирения, ни тихой жизни в стороне.

Убийствами и смертями оканчиваются трагедии Шекспира, но зритель уходит из театра с радостным чувством, что не могут не победить свобода и правда и что не могут не быть уничтожены подлые силы зла и предательства. Не может победить Яго, не может повелевать людьми король Клавдий, не может остаться в живых Макбет. И хотя гибнут герои, но ясно видно, что силы зла победить можно, и их победят.

Сила воздействия гения всегда в том, что два времени слиты в его произведении: современная ему эпоха и предчувствуемое будущее. В реальной среде Елизаветинской Англии развивается действие пьес Шекспира, и в какие бы костюмы не были одеты действующие лица, — это всегда англичане рубежа XVI и

XVII веков. Шекспир величайший материалист, и герои его плотно стоят на реальной земле, но сила изображения человеческих свойств этих героев, глубина проникновения в их чувства и мысли таковы, что каждая эпоха узнаёт в этих образах не только чужое прошлое, но и своё настоящее. И как часто герой Шекспира кажется нам современником, и как часто в мыслях, написанных триста с лишним лет назад, мы видим ответ на то, что нас волнует сегодня. И когда мы читаем отчёты о Нюрнбергском процессе, нам кажется подчас, что мы видим за скамьей подсудимых гигантскую тень Яго.

Огромная взрывная сила мыслей Шекспира. Но они опасны для общества, в котором Яго зачастую не исключение, а правило. И вот, начиная с XVIII века Шекспир начинает подвергаться «испытаниям». Вымарываются сцены, досочиняются счастливые концы, меняются характеры героев. Шекспира превращают в скромного и благополучного сочинителя старомодных историй. «Дикаря» Шекспира хотят сделать членом приличного буржуазного общества. Потом его превратили в изучающего идеалистическую философию немецкого студента. Объявили, что действие его пьес происходит вне времени и пространства и что не люди участвуют в них, а закутаные в хламиды призраки ведут извечный спор о добре и зле.

Нам понятен смысл всех этих превращений и операций, но нам не нужно выбрасывать ни одного слова, написанного Шекспиром. Мы не боимся беспощадной жестокости, резкости, грубой силы некоторых его сцен. Мы целиком принимаем и любим этого великого человека, мы учимся у него. Лёгко путь его к сердцам наших зрителей. Восторгом встречают зрительные залы театров всей нашей многонациональной страны высокую проповедь гуманизма и пламенный призыв к борьбе с косными и злобными силами.

Г. КОЗИНЦЕВ,
лауреат Сталинской премии